

Т. А. Матасова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Москва, Россия. tamatt2009@gmail.com

ОБРАЗ СОФЬИ ПАЛЕОЛОГ В ПАМЯТНИКАХ XVI В.

В статье рассмотрены особенности образа Софьи Палеолог, сложившегося в источниках XVI в., в первую очередь в русских. Удалось показать, что начало переосмысления образа Софьи относится к эпохе Василия III и особенно к концу 1520-х гг. Грозненские книжники развили наметившиеся тенденции, но, выделяя и даже превознося Софью по многим параметрам, они не обнаруживают типологически другого рода интереса к ее фигуре при дворе.

Ключевые слова: Софья Палеолог, Василий III, Иван Грозный, Никоновская летопись, Степенная книга, Лицевой летописный свод, Житие Кассиана Учемского, Андрей Курбский

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

Среди жен русских великих князей XIV–XV вв. супруга первого «государя всея Руси» Софья Палеолог (рубеж 1440–1450-х – 7 или 17 апреля 1503 г.) выделяется тем, что вокруг ее фигуры на протяжении столетий разворачивалась широкая дискуссия. Кем была Софья: наследницей блеска и величия Ромейской державы, носительницей провиденциальной культурной миссии, состоявшей как в передаче России духовной роли Византии, так и в знакомстве нашей страны с передовыми достижениями Запада – или же она была сиротой и бесприданницей, «скитающейся, яко странней», прибывшей к московскому двору и ведшей сомнительные придворные игры? А может быть, ее миссия ограничивалась преимущественно рождением наследников? Сегодня есть понимание того, что ее роль в Москве была в первую очередь символической. Само присутствие Софьи при государевом дворе было существенно для Ивана III, поскольку обнаруживало его державные устремления, а также обозначало его интерес к европейскому миру. Окружение Софьи («двор») составляло важную часть государева двора. В политических (в том числе во внешнеполитических) и культурных инициативах Ивана III роль приближенных великой княгини была значительной, однако ее личное участие в политической жизни было, по всей видимости, не слишком велико [Назаров; Матасова, 2016; Матасова, 2020; Матасова, 2023].

Тем не менее своего рода миф о Софье Палеолог как о крупной политической фигуре, обладавшей серьезным влиянием на Ивана III, прочно закрепился в историографии [Соловьев, с. 173; Ключевский, 2002, с. 472; Зонова, с. 22]. Эти идеи давно вошли даже в самые хорошие учебники и учебные пособия для средней и высшей школы [История России, с. 179; Борисов, 2022, с. 451–452], научно-популярную литературу [Гордеева; Тихомиров, Иванов] и московские экскурсионные программы. Взвешенное мнение В. И. Саввы о том, что роль Софьи не стоит преувеличивать¹, долгое время почти не имело сторонников. Почему так произошло? Когда и при каких обстоятельствах сложился миф о Софье?

Хочется поддаться соблазну простого ответа на этот вопрос, вспомнив известия иноземцев XVI в. и, в первую очередь, «Записки о Московии» С. Герберштейна. Именно в его

¹ Исследователь тонко заметил, что Иван III «был выдающимся политиком, что его крупные политические дела не представляются следствием только влияния на него Софьи; поэтому следует осторожно относиться к показаниям некоторых современников и близким к ним по времени свидетельствам, широко, но не всегда определенно рисуя сферу влияния Софьи на ее супруга. В противном случае силуэт Софьи затемнит облик наиболее выдающегося политика из племени Калиты» [Савва, с. 57].

сочинении выдвинут тезис о серьезном влиянии, которое имела Софья на Ивана III. Широко известны слова габсбургского дипломата о том, что Софья была «очень хитра» и по ее совету государь всея Руси «делал многое»². Убеденность С. Герберштейна имеет свое объяснение. Одним из главных информаторов имперского посла был Юрий Дмитриевич Траханиот («Юрий Малой») – сын Дмитрия Мануиловича Траханиота, одного из наиболее близких Софье греков. Именно его и его брата Юрия Мануиловича источники называют «боярами великой княгини»³. Траханиоты были в числе тех, кто возлагал большие надежды на Россию в деле возрождения Византии – главной мечты греческого народа. Для них, впитавших идеи кардинала Виссариона о том, что спасение Византии связано с родственниками последнего императора Константина XI, Фомой Палеологом и его наследниками, Софья действительно была символом многих и очень важных идей и чаяний [Матасова, 2016, с. 145–147, 198]. Для греков-эмигрантов в Россию первой трети XVI в. Василий III был в первую очередь Палеологом, а не Рюриковичем. Именно так – «Василие Иоанновиче Палеологе»⁴ – обратился к великому князю Максим Грек в 1518 или 1519 г. В известном споре о Софье с И. Н. Берсенем Беклемишевым Максим Грек также отмечает, что «царевна» была «роду великого»⁵ и потому ее образ совершенно особенный, а ее символическая роль – уникальна и необходима.

Учитывая огромное влияние сочинения С. Герберштейна на всю последующую европейскую руссику, не вызывает удивления тезис о Софье как о значимой политической фигуре, присутствующий в сочинениях этого жанра XVI–XVII вв. Так, посетивший Россию в начале 1580-х гг. папский легат А. Поссевино сообщает, что Россией в начале XVI в. правил «Гавриил, впоследствии названный Василием Ивановичем, сын Софьи, дочери Фомы Палеолога»⁶ (про Ивана III у А. Поссевино в данном случае – ни слова). Свою роль в сугубом внимании к Софье иностранцев XVI в., в том числе связанных с папским двором, сыграло и то, что история Софьи традиционно и неразрывно связана с инициативами римских пап по привлечению Руси к унии⁷. В 1599 г. – через короткое время после миссии А. Поссевино в Москву – в римском госпитале Санто-Спирито-ин-Сассиа была создана знаменитая фреска, изображающая вымышленную (но столь желанную для Ватикана!) сцену благословения Софьи и Ивана III папой Сикстом IV [Чарыков].

Тем не менее в более ранних сочинениях иностранцев о России акценты расставлены совершенно по-другому. Так, Амброджо Контарини, говоря о своей встрече с Софьей в 1476 г., даже не намекает на ее большое влияние при дворе. Он говорит лишь о том, что встретился с деспиней и она обратилась к нему «добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны»⁸. Известия о Софье летописных сводов, составленных в последней четверти XV – первой трети XVI в., на удивление скупы. На страницах летописей этого времени – в русле

² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 71.

³ Свадьба князя Василия Даниловича Холмского // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 3–4; Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, вввод. ст. и ред. В. И. Буганова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966. С. 16.

⁴ Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 119.

⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 142.

⁶ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 216. Стоит обратить внимание и на новейшее исследование В. В. Шишкина, посвященное сведениям о Софье во французских источниках XVI столетия. Результаты этой работы были представлены в его докладе «Что знали французы XVI в. о Софье Палеолог?», сделанном на конференции «Три Рима» Софьи Палеолог (к 550-летию прибытия в Москву)» 17–18 октября 2022 г. в ИВИ РАН. Статья ожидается к публикации в сборнике материалов конференции.

⁷ Именно эта идея легла в основу исследования П. Пирлинга о заключении брака Ивана III с Софьей [Пирлинг], основанного на комплексе уникальных памятников, хотя и исключительно тенденциозного [Керенский; Успенский].

⁸ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 230. О значении этой цитаты см.: [Матасова, 2020, с. 307].

традиции фиксации свидетельств о других княгинях – представлены известия о рождении детей в семье великого князя, однако в них Софья по имени названа далеко не всегда.

Наиболее яркими красками расцвечены только история подготовки брака Ивана III с Софьей, а также гневный пассаж о возвращении «из бегов на Белоозеро» (1480–1481 гг.) Софьи, спасавшейся от рати хана Ахмата, «не гонимой никим же»⁹, когда ее приближенные на протяжении года разоряли, по мнению автора известия, белозерские пределы тяжелыми поборами «пущи татарь»¹⁰. Автор этой весьма длинной, колоритной и осуждающей греков летописной статьи жестоко обличает Софью, противопоставляя ее «бегство» патриотическому поведению Марии Ярославны, оставшейся в Москве, несмотря на ордынскую угрозу. Анонимный книжник весьма нелестно отзывается и об Андрее Палеологе – брате Софьи, носившем титул византийского императора, который впервые приехал в Москву в 1480 г.: «видех своима очима грешныма великих государь, избегших от турковъ со именем и скитающа, яко страныи, и смерти у Бога просящих...»¹¹. Краткое известие о том, что Софья вернулась с Белоозера, куда она отправилась «не гонима никим же», присутствует даже в великокняжеском летописании¹². Наиболее ярко своего рода «антигреческие» настроения проявлены в Софийской второй, Львовской и Типографской летописях, которые были связаны с митрополичьей кафедрой и считаются так называемым независимым летописанием последней четверти XV в.

В высшей степени примечательно, что с этими настроениями контрастирует логика Вологодско-Пермской летописи, составленной при дворе епископа Пермского Филофея. В этом своде известия о вернувшейся с Белоозера Софье, «не гонимой никим же» и разорившей всех «пуще татар», нет. Более того, Вологодско-Пермская летопись переполнена греко-итальянскими известиями (в том числе уникальными), что, несомненно, обнаруживает симпатии Филофея к греческой группе при государевом дворе [Матасова, 2022a]. Замечено, что белозерские земли были довольно «гостеприимны» к Софье [Плюханова, с. 35]. Это особое отношение Вологодско-Пермской кафедры к грекам может стать предметом дальнейшего исследования.

В отдельных сводах рубежа XV–XVI вв. намечена еще одна тенденция, которую можно условно назвать «нейтральной». Так, в Симеоновской летописи конца XV в. сообщение о возвращении Софьи из белозерского края лишено негативных коннотаций: «Тое же зимы прииде великая княгини Софья з Бела озера; бе бо она была тогда на Белеозере, егда царь на Угре стоялъ»¹³. Еще более краткое нейтральное известие содержит Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского (доведенному до 1508 г.): «Тое же зимы прииде великая княгини Софья с Белоозера»¹⁴.

В историописании второй и особенно третьей четверти XVI в. развиты именно эти – нейтральные – оценки. Рассматриваемые тенденции уловил уже А. Н. Насонов, указавший

⁹ Нередко в летописании оборот «не гоним никим же» имеет или подразумевает добавление «только Богом единым», однако здесь смысл совершенно иной. Летописец с осуждением намекает, что бегство – решение Софьи, и это решение малодушное.

¹⁰ Пространная редакция этого рассказа читается в летописях: ПСРА. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 310–311; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 346–347; М., 2004. Т. 23. С. 182–183; М., 2000. Т. 24. С. 201–202; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 150–151, 315–316. Сокращенное известие об этом, с подчеркнутым обличением Софьи, читается и в Сокращенных сводах конца XV в.: «Тое де зимы прииде великая княгини Софья из беговъ, бе бо бегала за Белоозеро и з боярынями от татарь, а не гонима никим же; и по которым странам ходила, тем стало пуще татарь от боярских холопов, от кровопивцев христианских. Въздаи же имъ, Господи, по делом их и по лукавству начинания их, по делом руку их, даждь им, Господи!» (Свод 1493 г. // ПСРА. М., 2007. Т. 27. С. 284; сходный текст см. в Своде 1495 г. (ПСРА. Т. 27. С. 356–357)).

¹¹ ПСРА. Т. 6. Вып. 2. С. 311.

¹² ПСРА. М., 2004. Т. 25. С. 328; Т. 27. С. 284.

¹³ ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 269.

¹⁴ ПСРА. М., 1994. Т. 39. С. 162.

на суть редакторской работы автора Иоасафовской летописи, изъясвшего «обличительный» по отношению к Софье фрагмент из известия составленного им свода [Насонов, с. 399]. В итоге в Иоасафовскую летопись, восходящую к концу 1520-х гг., вошел такой текст: «Тое же зимы прииде великаа княгини Софья з Белоозера; отсылал бо ее князь великий на Белоозеро татарьскаго ради нахожения»¹⁵. Этот текст повторит и Никоновская летопись¹⁶, восходящая в своей основной части к тому же времени [Клосс]. Как видим, в памятниках, созданных в последний период правления Василия III (во второй половине 1520-х – начале 1530-х гг.), развиваются существовавшие, но непопулярные в конце XV и первое десятилетие XVI в. настроения. Эти тенденции окончательно оформятся в грозненскую пору. Именно при первом русском царе образ Софьи приобретет известную солидность и значимость, ее присутствие в Москве начнет восприниматься как особое звено в семейной истории московских князей и даже окажется наполнено определенным провиденциальным смыслом.

С одной стороны, из летописания второй – третьей четверти XVI в. почти пропадает известие о бегстве на Белоозеро, присутствующее в более или менее пространным виде почти во всех сводах предшествующего времени. Показательно в этом отношении, что в Никоновской летописи использован фрагмент этого рассказа, где говорится о греках, не сумевших защитить свое отечество от турок и вынужденных скитаться, но его присутствие в летописи служит раскрытию совсем другой идеи: греки, не давшие отпор агарянам, противопоставлены «храбрым, мужьственным сыновем русстем», с Божьей помощью свергшим зависимость от Орды¹⁷, при этом из летописной статьи полностью уходят любые негативные намеки на Палеологов. В Воскресенской летописи, созданной в 1540-е гг., известие сходно с нейтральным известием из Софийской первой летописи по списку И. Н. Царского: «тое же зимы прииде великаа княгини София зь Белоозера»¹⁸. Составители Степенной книги, завершенной к 1563 г. [Сиренов, с. 504] и продолжающей традицию создания ««обобщающих» историко-литературных произведений» 1520–1540-х гг. [Сиренов, с. 3], также избрали сугубо бесстрастный тон в рассказе о пребывании Софьи в Белозерье. Соответствующее свидетельство помещено после рассказа о противостоянии с Ахматом 1480 г.: «Мы же оть врагъ избавльшеся и спасени быхом. Великая же княгини София тогда бысть на Беле езере, а оттуду паки прииде на Москву»¹⁹.

С другой стороны, в Степенной книге – программном памятнике грозненской поры, призванном укрепить и максимально возвысить царскую власть, уподобить русских правителей благочестивым императорам, раскрыть в их жизнеописаниях следы божественного присутствия, – появляется летописная статья о чуде прп. Сергия, связанном с долгожданным зачатием младенца «мужеска пола» у Софьи – будущего Василия III. Как справедливо отмечает А. С. Усачев, рассказ о чудесном зачатии Василия III является частью масштабной задумки автора Степенной книги, в которой присутствует целый ряд рассказов о чудесном зачатии и рождении нескольких русских правителей. Так подчеркивалась мысль об особом статусе потомков князя Владимира Святого [Усачев, с. 629]. Согласно повествованию, Софья, стремившаяся родить мальчика, отправилась в Троице-Сергиев монастырь, чтобы вымолить наследника у гроба «игумена земли Русской». У села Клементьева, находящегося неподалеку от обители, Софье явился прп. Сергий, державший в руках ребенка и вложивший его «в недра великой

---

¹⁵ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 122.

¹⁶ ПСРА. М., 2000. Т. 12. С. 212.

¹⁷ Там же. С. 202.

¹⁸ ПСРА. М., 2001. Т. 8. С. 213.

¹⁹ ПСРА. СПб., 1913. Т. 21. 2-я пол. С. 564.

княгине»²⁰. Под впечатлением от явления праведника Софья лишилась чувств («вострепета и нача изнемогати»). Очнувшись, она дошла до монастыря и с молитвой поклонилась мощам святого. «И от того чудесного времени зачатся во чреве ея Богом дарованный наследник Русскому царствию»²¹. Примечательно, что этот рассказ содержится и в относительно позднем Шумиловском списке Никоновской летописи²², куда он попал из Степенной книги [Зимин, с. 40].

В Лицевом летописном своде, созданном в 1568–1576 гг. [Клосс, с. 265] и являвшемся, по меткому выражению А. А. Амосова, «главной книгой Ивана Грозного» [Амосов, с. 11], среди источников которого Никоновская летопись и Степенная книга, также присутствует рассказ о чудесном зачатии Василия III, запечатленный на 10 (!) миниатюрах. Значение этих миниатюр в трансляции этого сюжета сквозь века велико: композиция двух миниатюр, изображающих «кульминационный момент чуда» (когда прп. Сергей передает Софье ребенка)²³, была взята за основу при создании во второй половине XIX в. разнообразных лубков с изображением этой сцены. Их широко продавали богомольцам в Троице-Сергиевой лавре²⁴.

По новейшим наблюдениям А. Р. Кругловой, некоторые сохранившиеся «троицкие» вклады Софьи могут восходить не ко времени обострения придворной борьбы в конце XV в., а к концу 1470-х гг., то есть ко времени молитв о рождении мальчика²⁵. Эти предположения служат косвенными подтверждениями того, что если не чудо, то сам факт богомолья мог иметь место²⁶. В любом случае, этим событиям – вымышленным или действительно состоявшимся – Иван Грозный придавал огромное значение. Ивана Грозного необычайно интересовал образ Василия III (и в частности, история его рождения): первый русский царь всеми силами стремился возвысить фигуру своего родителя. Знаменитая надгробная икона Василия III (происходит из Архангельского собора, с 1894 г. – в коллекции ГИМ)²⁷, на которой Василий III изображен в один рост со свт. Василием Великим, говорит о желании Ивана Грозного если не канонизировать отца, то запечатлеть его образ как великого праведника. Этой же цели служит и отсылка в начале рассказа Степенной книги о правлении Василия III к «чуду прп. Сергия у села Клементьева», предопределившему, по мнению составителя Степенной книги, благочестие и особую миссию наследника Ивана Великого²⁸.

В этой связи важно и то, что именно ко времени правления Василия III восходит давняя традиция регулярных государевых богомолий к мощам прп. Сергия [Мельник, 2013, с. 8–9; Мельник, 2014, с. 14–15], развитая при Иване Грозном, в царствование которого складывается рассказ о чудесном рождении отца. По наблюдениям Н. С. Борисова, одного из самых искушенных знатоков истории Троицкого монастыря, именно первый русский царь был «самым ревностным почитателем прп. Сергия среди всех московских Рюриковичей» [Борисов, 2010, с. 208]. Грозненские книжники искали возможность удревить семейную связь с Троицкой обителью, в том числе через образ Софьи. Именно в этих обстоятельствах

²⁰ Т. 21. 2-я пол. С. 555.

²¹ Там же.

²² ПСРА. Т. 12. С. 190–191.

²³ Лицевой летописный свод XVI века. М., 2014. Т. 16. С. 353–354.

²⁴ Интересно, что рассматриваемое чудо не вошло в поздние редакции Жития прп. Сергия. На этом примере видно одно из последствий сращивания церкви с государством: церковь второй половины XIX в. транслирует важные для государства сюжеты (а через них – и идеи), не находящие твердой опоры в текстах, вышедших из недр самой церкви.

²⁵ Речь идет о двух покровцах с изображениями Распятия и Младенца в Чаше, а также о поручах с вышитой сценой Благовещения и образами святых Флора и Лавра [Круглова, с. 124–125].

²⁶ Впрочем, высказано мнение о том, что чудо прп. Сергия – очевидный вымысел [Морозов, с. 151].

²⁷ ГИМ. Святитель Василий Великий и великий князь Василий III в молении Богоматери «Знамение». Инв. И VIII 3423; ГИМ 29172; ГК 26503701. См.: [Горматюк].

²⁸ ПСРА. Т. 21. 2-я пол. С. 582.

появился рассказ о чуде прп. Сергия: не только крещение Василия²⁹, но и история его зачатия связана с монастырем прп. Сергия, освящена благословением праведника и божественной благодатью.

Показательно, что в Лицевом своде в рассказе о чудесном зачатии Василия III соединены сведения из Никоновской летописи и Степенной книги [Сиренов, с. 148–149]. Такое серьезное внимание памятников официального летописания к этому событию должно было, как кажется на первый взгляд, иметь целью превознести и Софью, свидетельствуя о совершенно уникальной, небывалой ее роли. Однако – при ближайшем рассмотрении источников – это оказывается не совсем так.

Учитывая справедливый тезис В. В. Морозова о том, что в Лицевом своде «история страны... обретает форму Жития царского рода» [Морозов, с. 258], очевидно, что особая роль Софьи, по мнению книжников Ивана Грозного, состоит в служении династии: на ней через прп. Сергия Господь явил чудо и даровал наследника – отца первого русского царя. В своем фундаментальном исследовании В. В. Морозов привел эту статью как пример «образов идеализации героев повествования» [Морозов, с. 151]. Подчеркнем, что идеализируется здесь в первую очередь Василий III и только через *его* историю – Софья Палеолог: великая княгиня не находится в центре повествования, выступая орудием Божьего промысла. Именно поэтому соответствующая статья Степенной книги, использованная составителями Лицевого свода, названа «О чудесном зачатии и рождении великого князя Василиа Иоанновича всея Руси самодержьца», а не, скажем, «чудо о Софье Палеолог». По справедливому мнению А. В. Сиренова, «в повествовании Степенной книги всегда есть главный герой, вокруг которого разворачивается действие. “Самодержателем” неизменно объявляется предок Ивана Грозного, а все остальные упоминаемые князья (“и княгини”, добавим мы. – Т. М.) фигурируют как его современники и “сродники”» [Сиренов, с. 6]. Именно с настроениями Степенной книги неожиданно рифмуется резковатое высказывание Г. В. Вернадского о том, что «основное влияние Софьи на ход русской истории определилось тем, что она дала жизнь человеку, который стал отцом Ивана Грозного» [Вернадский, с. 35].

И все же может показаться, что этот эпизод с явлением Софье прп. Сергия, переданный в главных памятниках грозненской поры, призван решительно выделить Софью, ведь своего рода ориентация на «второй Рим» как на идеал православного государства «побуждала московских правителей искать связи и преемственность с Византией. Таким стремлением, как известно, обусловлена женитьба Ивана III на Софье Палеолог» [Сиренов, с. 28]. Можно предполагать, что царские летописцы мечтали ее выделить, по крайней мере, среди ее предшественниц – русских великих княгинь. Однако и это оказывается не совсем так. Интересные результаты дает в этой связи сопоставление количества упоминаний Софьи с количеством упоминаний других русских княгинь³⁰ в памятниках XVI в.

Если в Лицевом своде миниатюр с изображением Софьи (и миниатюр, неразрывно связанных с ее историей) насчитывается в общей сложности 61 или 62³¹, то Мария Ярославна изображена на 54 (!) миниатюрах, Софья Витовтовна – на 33, Евдокия Дмитриевна – на 36.

²⁹ Свидетельства об этом нашли яркое отражение на страницах и Никоновской, и Воскресенской летописей (см.: ПСРА. Т. 8. С. 200; Т. 12. С. 190).

³⁰ В данном случае рассматривается не подлинное значение их придворной и политической роли, которая могла быть весьма велика, что нашло отражение в памятниках разного происхождения, а именно восприятие летописцев второй – третьей четверти XVI в.

³¹ На 50 миниатюрах изображена сама Софья, еще на 11 ее нет, но они неразрывно связаны с ее историей. Здесь и далее подсчитано именно количество известий о княгинях, а не количество упоминаний имен каждой из княгинь: в одном известии может быть несколько упоминаний имени княгини, бывают известия, где княгиня упомянута, но не названа по имени. Известие при этом не тождественно летописной статье. По всей видимости, Софья изображена и на миниатюре, представляющей похороны Феодосии Ивановны в 1501 г. (см. примеч. 39).

Отметим здесь, что в Степенной книге присутствует 12 известий о Софье Палеолог, 12 – о Марии Ярославне, 16 – о Софье Витовтовне и 16 – о Евдокии Дмитриевне. Оказавшая влияние на названные памятники более ранняя Никоновская летопись содержит 26 известий о Софье, 25 – о Марии Ярославне, 24 – о Софье Витовтовне, 19 – о Евдокии Дмитриевне.

С одной стороны, эти цифры обнаруживают, что никакого «сугубого внимания» к Софье как таковой у летописцев второй – третьей четверти XVI в., по всей видимости, все-таки не было. С другой стороны, вырисовывается гораздо более неоднозначная картина. В летописях XVI в. количество известий о каком-то участии великих княгинь в политической жизни увеличивается тогда, когда они приобретают статус княгини-матери при правителе-сыне *после смерти мужа*. Так, если Евдокия Дмитриевна упомянута в Никоновской летописи до смерти Дмитрия Донского 12 раз, то после 1389 г. – всего 7, но все 7 совершенно особого рода: в тексте присутствует подробный рассказ о ее праведности, призванный почитать эту выдающуюся княгиню-мать. Тем не менее до смерти Василия I Софья Витовтовна упомянута всего 5 раз, а после 1425 г. – целых 19 раз. Сходная ситуация и с Марией Ярославной: до смерти Василия II она упомянута 8 раз, тогда как после 1462 г. количество известий о ней возрастает до 17. И Софья Витовтовна, и Мария Ярославна начинают восприниматься как важные политические фигуры наряду с митрополитами Фотием и Филиппом I исключительно (!) после кончины их мужей (их сыновья советуются с отцом митрополитом, матерью и братьями/боярами). Нет ни одного известия, где Василий I или Василий II советовались бы со своими супругами... Кажется, великие князья усвоили идеи, выраженные еще Владимиром Мономахом («Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти»³²) и Даниилом Заточником («не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣть»³³). Разумеется, во всей полноте реконструировать все оттенки отношений князей и княгинь – которые в реальности могли быть совершенно разными – невозможно, но общие культурные ориентиры на эту тему сложно отрицать, и они довольно однозначны.

В статусе жен великих князей княгини в основном рожали детей и каким бы то ни было сугубым социально-политическим авторитетом не обладали. Князья едва ли относили своих жен к числу «советников по политическим вопросам». Главная миссия супруги великого князя при живом муже – рождение и воспитание здоровых наследников. Именно подобные свидетельства и попадали на страницы летописного повествования как в конце XV – первой трети XVI в., так и в середине – второй половине XVI в.

Сложилось так, что в статусе вдовы Софье побыть было не суждено. И в этом смысле количество свидетельств о ней в сравнении с известиями о других великих княгинях при живых мужьях (26 известий Никоновской летописи о Софье против 12, 5, 8 о других княгинях) обнаруживает совершенно особую ситуацию. Софья интересовала летописцев XVI в. куда больше, чем ее предшественницы. За счет чего это происходит? Несомненно, Софью выделяет ее происхождение, каким не могли похвастаться ни Мария Ярославна, ни Евдокия Дмитриевна, на даже Софья Витовтовна. Именно эта уникальность ее личной истории, ее судьбы, необычайные обстоятельства ее приезда в Москву привлекали к ней определенное внимание, и именно этим объясняется ее «первое место» по числу известий в сравнении с тремя ее предшественницами.

Эти представления нашли яркое отражение в Лицевом своде, в котором содержится в том числе подробнейшее художественное осмысление истории переговоров о заключении брака

³² ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 246.

³³ См.: БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 278. Приведенные факты – только первые подступы к размышлениям над вопросом о том, насколько сильно меняется статус княгини после смерти мужа. Этот интереснейший вопрос требует специального комплексного исследования, в том числе полного подсчета и сопоставительного анализа известий о княгинях из сводов конца XV – первой трети XVI в.

и пути на Русь (19 миниатюр), прибытия Софьи в Москву и венчания с Иваном III (9 миниатюр). Несколько миниатюр связано с рождением детей у Софьи, приездом Андрея Палеолога в Москву в 1490 г.³⁴ и некоторыми другими сюжетами. На миниатюре, связанной с приездом Андрея³⁵, как нельзя более точно представлены ее семейная и символическая придворная роли. Андрея принимает Иван III, а Софья изображена выглядывающей из окна светлицы: она присутствует, но как бы «за кулисами». Учитывая наблюдения о том, что миниатюры Лицевого свода – это не просто сопровождающие текст иллюстрации, а «интерпретации текста дополнительными средствами» [Амосов, с. 226], такое положение героев нельзя признать случайностью: оно отражает реальное восприятие Софьи в 1560–1570-е гг. Она – часть государевой семьи, внутренней, непубличной сферы его жизни, однако благодаря ее присутствию при московском дворе оказываются необычные люди, а также реализуется связь с европейским миром.

Учитывая замеченное выделение образа Софьи любопытно обратить внимание на сравнительно малоизвестную икону XVI в. Богоматери Боголюбской с предстоящими из коллекции ГИМ³⁶. По всей видимости, этот образ – вклад Василия III в один из кремлевских монастырей. По наблюдениям Е. С. Овчинниковой, на ней среди предстоящих изображена семья Ивана III – сам великий князь, Софья и Василий. Государей легко опознать по коронам, а Софью – по положению (между ними) и по торжественному головному убору [Овчинникова, с. 349–352]. Софья на этой иконе – часть семьи и молитвенница за семью, но никак не самостоятельная «правлящая» фигура.

Создатели ключевых книжных памятников середины – второй половины XVI в. едва ли признавали серьезной роль Софьи в московской политике: главными героями были сами государи. Показательно, что великая княгиня не упомянута в текстах и не изображена на миниатюрах Лицевого свода, даже связанных с некоторыми сугубо «женским» темами в жизни семьи, например историей подготовки брака своих дочерей Феодосии и Елены³⁷. Кажется особенно показательным ее отсутствие на миниатюрах, сопровождающих рассказ о литовском посольстве Петра Яновича и Станислава Яновича в 1494 г., ведь из других источников известно, что послы кланялись «осподарыне великой княгине» и, видимо, общались с ней, выказывая свое почтение будущей теще литовского князя Александра³⁸. Изображена ли Софья на миниатюре, представляющей похороны Феодосии (1501 г.), сказать однозначно затруднительно³⁹. Тем не менее Софья легко идентифицируется на миниатюре, изображающей встречу в Москве в 1497 г. государевой сестры, рязанской княгини Анны. Также Софья с детьми присутствует на миниатюре, иллюстрирующей переезд государевой семьи из деревянных великокняжеских покоев для возведения на их месте «каменного двора»⁴⁰.

Как видим, внимание к Софье составителей и миниатюристов Лицевого свода не связано с какой бы то ни было деятельностью, которую можно было бы обозначить как «политическую». Софья – как и в предшествующее время – ассоциируется не с проблемами политики и дипломатии Ивана III, а с темой «женская часть государевой семьи». Единственный (!)

³⁴ В известии о приезде Андрея Палеолога в 1480 г. Софья не только не изображена, но и не упомянута. Аналогично и в Никоновской летописи.

³⁵ Лицевой летописный свод XVI в. М., 2014. Т. 17. С. 110.

³⁶ ГИМ. Богоматерь Боголюбская. Инв. И VIII 3414/1; ГИМ 53898/1; ГК 22809507.

³⁷ Тем более что мы знаем, с каким вниманием Софья отнеслась к отправке Елены в Литву, какое приданое ей собирала [Хорошкевич].

³⁸ Сборник Императорского Российского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 114, 117.

³⁹ Обыкновенно Софью можно узнать по короне, венчающей ее голову. Корона намекает на то, что она – «царевна», то есть племянница последнего византийского императора и дочь деспота Фомы Палеолога. На этой миниатюре женской фигуры в короне нет. Тем не менее привлекает внимание женская фигура в темном – траурном – головном уборе, склонившаяся над телом Феодосии. Не это ли Софья, скорбящая о безвременной кончине дочери? За ней – другие скорбящие женщины (см.: Лицевой летописный свод. М., 2014. Т. 18. С. 454).

⁴⁰ ПСРА. Т. 12. С. 233.

случай, когда она упомянута в Никоновской летописи в «политической» роли, – это известие 1496 г., когда Иван III «пойде с Москвы въ вотчину свою въ Великий Новгородъ... а на Москве оставилъ у великия княгини Софьи сына своего Василья съ меншею братиею»⁴¹.

В этом контексте интересны особенности передачи в Степенной книге связанных с Софьей событий династического кризиса конца XV в. Примечательна сама структура известия: в отличие от всех летописных сводов более раннего времени, статья начинается (!) рассказом о «пожаловании» Василия и прощении Софьи: великий князь «нача жаловати и любити» «Богом дарованного сына своего и наследника» Василия, «также же начать любити и жаловати и свою великую княгиню Софию и сожительствова съ нею, якоже и прежде». Сведения же о предшествовавшей этому опале помещены после этих – по мнению книжника, главных для династии – фактов и поданы как ошибка Ивана III, связанная с «людскими крамолами»⁴². Несколько иначе события представлены в Лицевом своде и одном из его источников – Никоновской летописи, где – в традициях летописания предшествующего времени – содержатся краткие упоминания об опале на Софью и Василия⁴³. На миниатюре, иллюстрирующей то, как Иван III удаляет жену и сына со двора, изображена испуганная великая княгиня⁴⁴. В известии же о дальнейшем «пожаловании» Василия Софья даже не упомянута (и не изображена на миниатюре, прославляющей победу Василия). Тем не менее составители Никоновской летописи емко подчеркивают несправедливость опалы: «по диаволу действу и наважению и лихих людей совету»⁴⁵.

Несмотря на все отмеченные особенности, свидетельства о Софье в летописных памятниках второй – третьей четверти XVI в. в целом типологически почти не отличаются от известий более раннего времени о других княгинях (за исключением рассмотренного выше рассказа о чудесном зачатии Василия III): ее свадьба с Иваном III (с предысторией), рождение детей (причем Софья, как и ранее, не всегда упомянута по имени)⁴⁶. Софья – супруга, мать и молитвенница, а не «деятельница» придворной борьбы.

Во многих русских летописях об Успенском соборе Московского Кремля сказано, что «церковь» была «чудна велми... якова преже того не бывала на Руси»⁴⁷. Это выражение применимо и к «небывалой» истории Софьи, к ее символической роли при дворе, но не к ее политическому могуществу. Большое впечатление произвели греки, как приехавшие осенью 1472 г., так и прибывшие позднее. Думается, говорить о том, что у составителей Никоновской летописи, Степенной книги или Лицевого свода было мнение о Софье как о носительнице выдающейся духовной миссии, нельзя. Она, несмотря на многие особенные обстоятельства, вполне вписывается в ряд других благочестивых жен русских государей. Никаких отсылок к образу Софьи в рассказах о Флорентийском соборе, падении Константинополя и других событиях, связанных с идеями *translatio imperii*, нет ни в одном из рассматриваемых памятников. В высшей степени показательно полное отсутствие образа Софьи в «Сказании о князьях владимирских» [Матасова, 2016, с. 232–233]. Ни одно из летописных известий второй – третьей четверти XVI в. никак не связано в сознании книжников с особым положением, особым поведением или особыми ожиданиями от княгини-«римлянки» при дворе.

Важная роль Софьи в судьбе династии, которую стремились подчеркнуть грозненские книжники, со всей яркостью проявлена в известии о смерти Софьи, содержащемся в Степенной

⁴¹ Там же. С. 421. См. также в более раннем летописании: ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 345; Т. 8. С. 230; Т. 28. С. 160, 327.

⁴² ПСРА. Т. 21. 2-я пол. С. 571–572.

⁴³ ПСРА. Т. 12. С. 246.

⁴⁴ Лицевой летописный свод XVI в. Т. 17. С. 362.

⁴⁵ ПСРА. Т. 12. С. 246.

⁴⁶ Таковы известия, например, о рождении у Ивана III сыновей Юрия и Дмитрия (ПСРА. Т. 12. С. 199, 213).

⁴⁷ См., например: ПСРА. Т. 25. С. 323–324; Т. 12. С. 192.

книге: оно представляет собой краткую статью панегирического характера, прославляющую «благосочетанную супружницу князя Ивана Васильевича» как добрую и многочадную мать (что само по себе являлось свидетельством Божьего благословения). В лучших традициях христианской гимнографии Софья уподоблена «лозе благоплодной», которая родила и воспитала сыновей и дочерей «добро(ро)дны и благообразны» «и прочее благочестно житие препроводи и съ миромъ преставися...»⁴⁸. Составители же Никоновской летописи и Лицевого свода лишь кратко упомянули о преставлении «благодарной великой княгини» и о том, что она была погребена в усыпальнице Вознесенского монастыря⁴⁹.

Благочестивый семейный образ Софьи, созданный придворными книжниками Василия III и особенно Ивана Грозного, закономерно контрастирует с мнением о ней Андрея Курбского, назвавшего гречанку «чародейцей греческой»⁵⁰, подчеркнув таким образом ее связь с миром злых духов, а вовсе не с «игуменом земли Русской». Если Андрей Курбский намекает на то, что образ Софьи близок широко распространенному книжному образу «злой жены»⁵¹, то придворные книжники XVI в. в один голос подчеркивают, что Софья – добрая, благочестивая жена и мать.

В иной плоскости находится «критика» Софьи, представленная мнением ее младшего современника и собеседника Максима Грека И. Н. Берсенья Беклемишева. В беседе с Максимом Греком Берсень говорил: «... А какъ пришла сюды... великая княгини Софья съ вашими греки, такъ наша земля замешалася и пришли нестроения великие, какъ и... в Царегороде... какова (бы Софья. – Т. М.) не была, а къ нашему нестроению пришла...»⁵². Здесь Берсень подчеркивает ее негативную придворную роль, что также – вполне закономерно! – не совпадает с идеями Никоновской летописи, созданной в кругу митрополита Даниила, и особенно с настроениями, отраженными в памятниках грозненской эпохи.

Особого внимания заслуживают сведения о Софье, присутствующие в ранней (первоначальной) редакции Жития прп. Кассиана Учемского (Угличского) (+ 1504), составленной, как кажется, все-таки в середине XVI в. [Алексеева, с. 37]⁵³, а не в XVII в. [Сосновцева, 2020, с. 30, 37]. По всей видимости, первоначальная редакция Жития была написана в связи с готовившейся, но не состоявшейся на соборе 1547 г. канонизацией прп. Кассиана [Матасова, 2022б, с. 155, 157–159]. В этом повествовании приезд Софьи на Русь – ключевое событие, поскольку князь Константин Мангупский, позже принявший постриг в Ферапонтовом монастыре с именем Кассиан, прибыл на Русь именно в ее окружении. Не слишком длинный, но яркий пассаж об этом – важнейшая композиционная и идейная составляющая памятника. Но даже в этом – увы, исследованном далеко не в полной мере⁵⁴ – агиографическом произведении никак не прослеживается роль Софьи как серьезной фигуры в московской политике. Приехавшие с Софьей греки, по мысли агиографа – учемского игумена Закхейя (1543 г.), вовсе не были какой-то «особой» частью московской аристократии под предводительством Софьи. Оставшиеся в России греки нашли себя не благодаря покровительству Софьи, а через служение

⁴⁸ ПСРА. Т. 21. 2-я пол. С. 576.

⁴⁹ ПСРА. Т. 12. С. 257; Лицевой летописный свод. Т. 18. С. 22.

⁵⁰ БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 456.

⁵¹ Так, главной характеристикой «злой жены» Даниил Заточник считает препятствие спасения души рядом с ней: «гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская», «мирский мятежь, ослѣпление уму, начальница всякой злобѣ; въ церкви – бѣсовская мытница: поборница грѣху, засада от спасения» (см.: БЛДР. Т. 4. С. 280).

⁵² См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1. С. 142.

⁵³ В. О. Ключевский также относил Житие прп. Кассиана к XVI в., однако не к «макарьевским» житиям, а к более позднему времени [Ключевский, 2003, с. 248].

⁵⁴ Сейчас автор данной статьи работает над комплексной публикацией Жития прп. Кассиана с учетом всех сохранившихся списков и редакций.

государю и получение от него земельных пожалований⁵⁵. Таким образом, даже в памятнике, казалось бы, призванном увековечить память о Софье, она – лишь эпизод в судьбе святого. Сама Софья к главному содержанию Жития – пути стяжания прп. Кассианом Духа Святого – не имела никакого отношения. В источниках XVII столетия заметны попытки несколько «усилить» значение приезда Софьи Палеолог на Русь, однако они проявляются, главным образом, в региональных сочинениях, в том числе связанных с прп. Кассианом, историей его канонизации и судьбой его обители [Матасова, 2017].

Особый интерес представляет судьба известий середины XVI в. в трудах Н. М. Карамзина. «Колумб российских древностей», считавший, что «самодержавие – палладиум России», пересказал главное содержание этих памятников, в первую очередь Никоновской летописи, и нашел роль Софьи весьма значительной. Он поставил знак равенства между мыслью о значимости Софьи для государевой семьи и тезисом о большом влиянии Софьи на государя, почерпнутом из записок иностранцев, которым историограф был также склонен доверять. Для него – человека екатерининской эпохи – не было ничего удивительного в том, что женщина могла оказывать колоссальное влияние на политическую жизнь и даже определять ее. С легкой руки Н. М. Карамзина за Софьей прочно закрепились такие характеристики, как «красивая женщина», «любящая жена» и «мудрая советчица» Ивана III, помнившая о своем славном происхождении и имевшая непосредственное отношение к целому ряду положительных изменений в Русском государстве. Среди них – прекращение зависимости от Орды, расширение контактов с Европой, привлечение итальянских мастеров в Москву, появление нового герба – русского двуглавого орла [Карамзин, с. 58, 64, 71–72, 99 и др.]. Можно сказать, что для Н. М. Карамзина Софья была почти Екатериной Великой XV в.

Итак, к концу правления Василия III рождается и в эпоху Ивана Грозного процветает мысль о сугубом значении Софьи для истории династии. Именно в силу этого особого, семейного служения Софья, по мнению московских книжников того времени, сыграла значительную роль в истории России, несопоставимую, впрочем, с выдающейся социально-политической ролью правителей-праведников. Царские летописцы сделали всё, чтобы критические мнения о Софье, высказанные Берсенем Беклемишевым и особенно Андреем Курбским, канули в реку забвения. Более «привычный» образ Софьи – как видной политической деятельницы и советчицы Ивана III – намного младше средневековых источников.

Литература

- Алексеева Е. Л. Рукописная традиция жития Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского. СПб., 2008. С. 34–42.
- Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998. 387 с.
- Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010. 440 с.
- Борисов Н. С. История России: Краткий курс. М., 2022. 480 с.
- Вернадский Г. В. Россия в средние века. Тверь; М., 2001. 352 с.
- Гордеева А. И. Софья Палеолог. Последняя византийская принцесса, первая российская государыня: летопись жизни. М., 2014. 189 с.
- Горматюк А. А. Об исследовании и реставрации надгробной иконы великого князя Василия III // Эпоха парсуны: Русский исторический портрет. М., 2004. С. 226–229.
- Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. 452 с.
- Зонова О. В. Первая встреча двух культур // Россия и Италия: Встреча культур. М., 2000. Вып. 4. С. 13–27.

⁵⁵ «... и мнози биша челом великому князю в службу и тех государь пожаловал, даетъ им грады и власти (в других списках «веси». – Т. М.) великия и села во удержание и въ отчину...» (см.: Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского. СПб., 2008. С. 120).

- История России с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2010. 544 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 6. 486 с.
- Керенский В. А. О. Пирлинг как защитник папской системы. Харьков, 1916. 23 с.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.
- Ключевский В. О. Полный курс лекций. Минск; М., 2002. Т. 1. 592 с.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. 395 с.
- Круглова А. Р. Золотошвейное рукоделие великокняжеских и царских мастерских XV–XVI веков. СПб., 2011. 286 с.
- Матасова Т. А. Софья Палеолог. М., 2016. 302 с.
- Матасова Т. А. Некоторые истоки «положительного» образа Софьи Палеолог в российской историографии // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. С. 90–96.
- Матасова Т. А. Влияние или молчание? Еще раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III и степени ее участия в привлечении итальянских мастеров в Москву // Исторический вестник. 2020. Т. 33. С. 298–315. DOI 10.35549/HR.2020.2020.33.008
- Матасова Т. А. Московские греки и вологодско-пермские земли в последние десятилетия XV – первой трети XVI века: к постановке проблемы // Русский Север – 2022: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Вологда, 2022. С. 312–318. [Матасова, 2022a]
- Матасова Т. А. Прп. Кассиан Учемский – грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 153–164. DOI 10.22394/1726-1139-2022-2-153-164 [Матасова, 2022b]
- Матасова Т. А. Был ли двор у Софьи Палеолог? // Конявская Е. Л., Корзинин А. Л., Матасова Т. А., Шишкин В. В. Женщины в пространстве власти: русские княгини и их дворы в XI–XVI вв. М., 2023 (в печати).
- Мельник А. Г. Московский великий князь Василий III и культы русских святых // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. 1. С. 7–12.
- Мельник А. Г. Практики почитания св. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевом монастыре в XV–XVI вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2014. Вып. 20. С. 5–18.
- Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. М., 2005. 285 с.
- Назаров В. Д. Палеолог Софья // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25. С. 126–127.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVII века. Очерки и исследования. М., 1969. 555 с.
- Овчинникова Е. С. Московский вариант Богоматери Боголюбской // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 343–353.
- Пирлинг П. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане. Иван III и Софья Палеолог. СПб., 1892. 235 с.
- Плюханова М. Б. Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV – начала XVI в. // «Друг – зеркало для друга...»: Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013. С. 19–45.
- Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. 400 с.
- Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. 545 с.
- Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. М., 1989. Кн. 3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен. 783 с.
- Сосновцева Е. Г. Житие Паисия Угличского: Исследование и тексты. СПб., 2020. 288 с.
- Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н. Московский Кремль: История архитектуры. М., 1967. 260 с.
- Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. 753 с.
- Успенский Ф. И. Сношения Рима с Москвой // ЖМНП. 1884. Август. Отд. 2. С. 368–412.
- Хорошкевич А. Л. Из истории дворцового делопроизводства конца XV в.: Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. (Публикация источника) // Советские архивы. 1984. № 5. С. 29–34.
- Чарыков Н. В. Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софию Палеолог. СПб., 1909. 5 с.

References

Alekseeva, E. L. Rukopisnaya traditsiya zhitiya Kassiana Uglichskogo [The Manuscript Tradition of the Life of Cassian of Uglich]. In *Zhitiya Ignatiya Vologodskogo, Ignatiya Lomskogo, Gerasima Vologodskogo i Kassiana Uchemskogo*. Saint Petersburg, 2008. Pp. 34–42.

- Amosov, A. A. Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo [The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible]. Moscow, 1998. 387 p.
- Borisov, N. S. Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epokhu bezdorozh'ya [Everyday Life of a Russian Traveler in the Impassable Roads Era]. Moscow, 2010. 440 p.
- Borisov, N. S. Istoriya Rossii: Kratkii kurs [History of Russia: Short Course]. Moscow, 2022. 480 p.
- Charykov, N. V. Ob ital'yanskoi freske, izobrazhayushchei Ioanna III i Sofiyu Paleolog [About the Italian Fresco Depicting John III and Sofia Palaiologina]. Saint Petersburg, 1909. 5 p.
- Gordeeva, L. I. Sof'ya Paleolog. Poslednyaya vizantiiskaya printsessa, pervaya rossiiskaya gosudarynya: letopis' zhizni [Sofia Palaiologina. The Last Byzantine Princess, the First Russian Sovereign: A Chronicle of Life]. Moscow, 2014. 189 p.
- Gormatyuk, A. A. Ob issledovanii i restavratsii nadgrobnoi ikony velikogo knyazya Vasiliya III [About the Study and Restoration of the Tombstone Icon of Grand Prince Vasily III]. In *Epokha parsuny: Russkii istoricheskii portret*. Moscow, 2004. Pp. 226–229.
- Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [The History of Russia from Ancient Times to the End of the 18th Century]. Moscow, 2010. 544 p.
- Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Saint Petersburg, 1816. Vol. 6. 486 p.
- Kerenskii, V. A. O. Pirling kak zashchitnik papskoi sistemy [Pirling as Defender of the Papal System]. Kharkov, 1916. 23 p.
- Khoroshkevich, A. L. Iz istorii dvortsovogo deloproizvodstva kontsa XV v.: Opis' pridanogo velikoi knyazhny Eleny Ivanovny 1495 g. (Publikatsiya istochnika) [From the History of Palace Records Management at the End of the 15th Century: An Inventory of the Dowry of Grand Duchess Elena Ivanovna in 1495 (Publication of the Source)]. In *Sovetskie arkhivy*. 1984. No. 5. Pp. 29–34.
- Kloss, B. M. Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov [The Nikonovsky Code and Russian Chronicles of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1980. 312 p.
- Klyuchevskii, V. O. Polnyi kurs lektsii [Full Course of Lectures]. Minsk; Moscow, 2002. Vol. 1. 592 p.
- Klyuchevskii, V. O. Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik [Old Russian Lives of Saints as a Historical Source]. Moscow, 2003. 395 p.
- Kruglova, A. R. Zolotoshveinoe rukodelie velikoknyazheskikh i tsarskikh masterskikh XV–XVI vekov [Gold Embroidery Needlework of the Grand Ducal and Tsarist Workshops of the 15th – 16th Century]. Saint Petersburg, 2011. 286 p.
- Matasova, T. A. Sof'ya Paleolog [Sofia Palaiologina]. Moscow, 2016. 302 p.
- Matasova, T. A. Nekotorye istoki "polozhitel'nogo" obraza Sof'i Paleolog v rossiiskoi istoriografii [Some Origins of the "Positive" Image of Sofia Palaiologina in Russian Historiography]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2017. Issue 5. Pyatye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Pp. 90–96.
- Matasova, T. A. Vliyanie ili molchanie? Eshche raz o roli Sof'i Paleolog pri dvore Ivana III i stepeni ee uchastiya v privlechenii ital'yanskikh masterov v Moskvu [Influence or Silence? Once More on the Role of Sophia Palaiologina in the Court Life of Ivan III and the Question of Her Participation in the Invitation of Italian Masters to Moscow]. In *Istoricheskii vestnik*. 2020. Vol. 33. Pp. 298–315. DOI 10.35549/HR.2020.2020.33.008
- Matasova, T. A. Moskovskie greki i vologodsko-permskie zemli v poslednie desyatiletia XV – pervoi treti XVI veka: k postanovke problemy [Moscow Greeks and Vologda-Perm Lands in the Last Decades of the 15th – the First Third of the 16th Century: Towards the Formulation of the Problem]. In *Russkii Sever – 2022: Problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya*. Vologda, 2022. Pp. 312–318. [Matasova, 2022a]
- Matasova, T. A. Prp. Kassian Uchemskii – grek iz okruzheniya Sof'i Paleolog i ego kanonizatsiya pri Mikhaile Romanove: doverie dukhovnym avtoritetam [Cassian of Uchma and His Canonization at the Time of Mikhail Romanov: Trust in the Spiritual Authorities]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2022. No. 2. Pp. 153–164. DOI 10.22394/1726-1139-2022-2-153-164 [Matasova, 2022b]
- Matasova, T. A. Byl li dvor u Sof'i Paleolog? [Did Sofia Palaiologina Have a Court?]. In *Konyavskaya, E. L., Korzinin, A. L., Matasova, T. A., Shishkin, V. V. Zhenshchiny v prostranstve vlasti: russkie knyagini i ikh dvory v XI–XVI vv.* Moscow, 2023 (in print).
- Mel'nik, A. G. Moskovskii velikii knyaz' Vasiliy III i kul'ty russkikh svyatykh [The Grand Prince of Moscow Vasily III and Cults of Russian Saints]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2013. No. 4. Vol. 1. Pp. 7–12.
- Mel'nik, A. G. Praktiki pochitaniya sv. Sergiya Radonezhskogo v Troitse-Sergievom monastyre v XV–XVI vv. [Practices of Veneration of St. Sergius of Radonezh in the Trinity-Sergius Monastery in the 15th – 16th Centuries]. In *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. Rostov, 2014. Issue 20. Pp. 5–18.

- Morozov, V. V. *Litsevoi svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI v.* [The Illustrated Chronicle in the Context of the Russian Chronicle Writing of the 16th Century]. Moscow, 2005. 285 p.
- Nasonov, A. N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVII veka. Ocherki i issledovaniya* [The History of Russian Chronicles of the 11th – the Beginning of the 17th Century. Essays and Research]. Moscow, 1969. 555 p.
- Nazarov, V. D. *Paleolog Sof'ya [Palaiologina Sofia]*. In *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya*. Moscow, 2014. Vol. 25. Pp. 126–127.
- Ovchinnikova, E. S. *Moskovskii variant Bogomateri Bogolyubskoi [Moscow Version of Our Lady of Bogolyubskaya]*. In *Drevnerusskoe iskusstvo: Zarubezhnye svyazi*. Moscow, 1975. Pp. 343–353.
- Pirling, P. *Rossiya i Vostok. Tsarskoe brakosochetanie v Vatikane. Ivan III i Sof'ya Paleolog [Russia and the East. Royal Wedding in the Vatican. Ivan III and Sofia Palaiologina]*. Saint Petersburg, 1892. 235 p.
- Plyukhanova, M. B. *Rol' greko-ital'yanskikh uniатов v stanovlenii religioznykh i politicheskikh idei na Rusi kontsa XV – nachala XVI v.* [The Role of the Greek-Italian Uniates in the Formation of Religious and Political Ideas in Russia at the End of the 15th – the Beginning of the 16th Century]. In *"Drug – zerkalo dlya druga...": Rossiisko-ital'yanskije obshchestvennye i kul'turnye svyazi, X–XX vv.* Moscow, 2013. Pp. 19–45.
- Savva, V. I. *Moskovskie tsari i vizantiiskie vasilievtsy: k voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie idei tsarskoi vlasti moskovskikh gosudarei [The Moscow Tsars and the Byzantine Basileuses: On the Question of the Influence of Byzantium on the Formation of the Idea of the Tsarist Power of the Moscow Sovereigns]*. Kharkov, 1901. 400 p.
- Sirenov, A. V. *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv.* [The Book of Degrees and Russian Historical Thought of the 16th – 18th Centuries]. Moscow; Saint Petersburg, 2010. 545 p.
- Solov'ev, S. M. *Sochineniya [Works]*. In 18 books. Moscow, 1989. Book 3. Vol. 5 and 6. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [The History of Russia since Ancient Times]*. 783 p.
- Sosnovtseva, E. G. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovanie i teksty [The Life of Paisii Uglichsky: Research and Texts]*. Saint Petersburg, 2020. 288 p.
- Tikhomirov, N. Ya., Ivanov, V. N. *Moskovskii Kreml': Istoriya arkhitektury [The Moscow Kremlin: The History of Architecture]*. Moscow, 1967. 260 p.
- Usachev, A. S. *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya [The Book of Degrees and the Old Russian Writing of the Time of Metropolitan Macarius]*. Moscow; Saint Petersburg, 2009. 753 p.
- Uspenskii, F. I. *Snosheniya Rima s Moskvoi [Rome's Relations with Moscow]*. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1884. August. Chapter 2. Pp. 368–412.
- Vernadskii, G. V. *Rossiya v srednie veka [Russia in the Middle Ages]*. Tver; Moscow, 2001. 352 p.
- Zimin, A. A. *Rossiya na poroge Novogo vremeni [Russia is on the Threshold of a New Time]*. Moscow, 1972. 452 p.
- Zonova, O. V. *Pervaya vstrecha dvukh kul'tur [The First Meeting of Two Cultures]*. In *Rossiya i Italiya: Vstrecha kul'tur*. Moscow, 2000. Issue 4. Pp. 13–27.

Tatiana A. Matasova

Lomonosov Moscow State University, North-Western Institute of Management of RANEPa, Moscow, Russia

IMAGE OF SOFIA PALAIOLOGINA IN THE MONUMENTS OF THE 16th CENTURY

The article discusses the features of the image of Sofia Palaiologina, which has developed in the sources of the 16th century, primarily in Russian ones. It was possible to show that rethinking of the image of Sofia started at the times of Vasily III, especially at the end of the 1520s. Scribes of the Ivan the Terrible times developed the emerging trends, but, singling out and even extolling Sofia in many ways, they did not show a typologically different kind of interest in her figure at court.

Keywords: Sofia Palaiologina, Vasily III, Ivan the Terrible, Nikonovskaya Cronicle, Book of Degrees, Illustrated Chronicle, Life of St. Cassian of Uchma, Andrey Kurbsky